

Течения в Православной церкви

Конспект семинара №1 по учению Православной церкви
(Тогобицкий П.Б., Самара, 2009 г.)

Православие часто воспринимается и обсуждается как нечто монолитное, но в реальности разница между двумя православными может быть большей, чем между представителями двух разных протестантских деноминаций. Чтобы понимать православие, нужно представлять, какие течения в нем существуют. Иначе взгляды, формируемые на основе случайно попавшихся нам источников, могут совершенно не соответствовать взглядам встретившегося нам православного человека.

Некоторые особенности исторического пути православия

Легче всего понять, что происходит в православии сегодня, если проследить, как Православие формировалось.

Церковь образовалась 2000 лет назад и первоначально была религией вне закона. В IV веке ситуация кардинально изменилась: за один век из гонимой веры христианство превратилось в официальную религию государства. Связанный с этим массовый приток язычников не мог не повлиять на Церковь, особенно в плане богослужебной стороны церковной жизни, а также осмысления этой жизни большинством прихожан.

Последующий распад Римской империи на западную и восточную, мировоззренческие и культурные различия востока и запада приводят к все более независимому развитию западной и восточной Церкви. Хотя 1054 г. часто считается официальной датой раскола, разногласия возникли задолго до этого и продолжали углубляться и после этого. Западное христианство развивалось по пути рационального, логического осмысления веры. Оно создало систематическое богословие. Восточное христианство было более склонно к мистическому переживанию веры и больше подчеркивало не индивидуальный, а коллективный аспект христианской жизни.

В конце X – начале XI веков восточное христианство приходит на Русь. Крещение часто было насильственным, но, тем не менее, христианство прижилось. Однако до этого восточное христианство развивалось уже десять веков, было соединено с изощренной культурой Византии и впитало в себя богатую философскую и богословскую традицию греческой цивилизации. Подавляющее большинство людей на Руси в силу особенностей своей культуры не были готовы осмыслить христианское богословие в таком виде. Фактически, христианство было принято на Руси, в основном, в виде обряда. Богословское развитие в таких условиях было практически невозможно, богословской школы не было.

В Византии же развитие христианства продолжалось (прежде всего, в монашеской среде), кульминацией чего стали идеи, часто связываемые с практикой исихазма и именем богослова XIV века Григория Паламы. Чуть-чуть все это проникало на Русь, но не сыграло здесь ключевой роли. А в XV веке Византия была завоевана турками.

Нужда в богословском образовании, желание учиться, стремление иметь грамотных пасторов привели к тому, что многие люди поехали за образованием на Запад. В XVI–XVII веках множество православных священников, особенно с Украины, получали образование в западных, в основном католических, учебных заведениях. Именно они формировали затем сначала малороссийскую, а затем и московскую богословские школы. Западное образование не прошло бесследно, оно привнесло и западные идеи, и западный способ мышления и богословствования. Произошло «западное пленение», «псевдоморфоза» (термины Флоровского) православного богословия – появилась православно-католическая смесь.

Фактически, такое богословие царствует до XIX века, который становится веком разочарований, когда многие ударяются в мистику, в «религию сердца», в радикальные движения типа скопцов и т. п. Тогда же возникает спор между славянофилами и западниками. Именно славянофилы, отвергая западное, пытаются возродить и развить собственно русское богословие, фактически, обращаясь к тому, что пришло на Русь в X веке. В конце XIX – начале XX веков в Церкви появляется также обновленческое движение, связанное не столько с богословием, сколько с попытками сделать церковное служение более понятным людям.

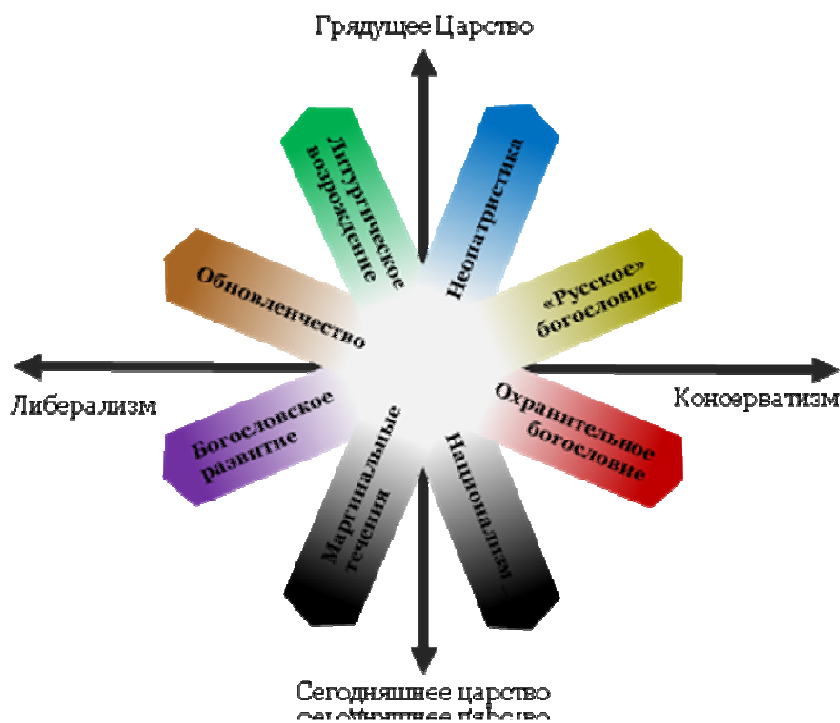
Значимым поворотным моментом для православного богословия стала революция. Часть богословов бежала за границу, многих из оставшихся и выживших советская власть принудительно выслала. В частности, в 1926 г. во Францию был отправлен целый пароход философов и богословов, которые через неделю основали богословский институт в Париже. Именно Париж (а затем и Нью-Йорк) становятся центрами православного богословия. В России же Церковь была озабочена вопросами простого выживания, достигаемого зачастую воспеванием советского государства и борьбой за мир во всем мире.

Зарубежное православие было вынуждено развиваться в среде католиков и протестантов, без господдержки и использования полицейского аппарата против несогласных. Возникло несколько разных способов разрешения сложившейся ситуации: (1) замыкание в попытке отстоять русскую богословскую и культурную традицию. Фактически, это сохранение окатоличенного богословия в стиле XVIII–XIX вв. (2) Развитие славянофильской традиции как именно русского богословия. Фактически, это возвращение к византийскому богословию первого тысячелетия. (3) Возрождение поздневизантийского богословия как системы более развитой и способной противопоставить нечто существенное западному богословскому миру. (4) Включение современной европейской философии в православное богословие как способ вхождения в европейскую богословскую традицию. Фактически, это разрыв с любой православной традицией. Конечно, возникали и другие идейные течения.

Сегодня все это возвращается в Россию. И хотя это возвращение происходит, в основном, на уровне семинарий и академий, во-первых, их влияние понемногу распространяется и на более широкие круги верующих, во-вторых, именно этими течениями во многом формируется книжно-журнально-сетевой образ православия. Итак, вы можете вычитать что-то в православной книге, а потом встретиться с православным, который вообще в это не верит и считает это неправославным. Во всем этом разнообразии православные могут найти для себя все, что угодно.

Классификация течений в российском православии

Всякая классификация – это упрощение. Поэтому некоторые детали в ней теряются, а отдельные люди в схему вообще не укладываются, будучи в разное время и в разных вопросах приверженцами разных взглядов. Тем не менее, мы рискнем свести все к двум важным параметрам: (1) «либерализм-консервативность» в смысле развития либо сохранения имеющегося; (2) «грядущее Царство/нынешнее царство» как вопрос ключевой ценности для человека, главной точки сосредоточения его интересов и усилий.

Православный национализм. По статистике, 54–80% (по разным оценкам) населения страны причисляют себя к православной церкви, около 40% верят в Бога (а не просто высшую силу и т.п.), около 2% являются «воцерковленными» (иногда молятся, ходят на службы, как-то понимают смысл богослужения). Таким образом, многие россияне являются «православными безбожниками». Фактически, православие для большинства – не религия, но национальная самоидентификация. «Я русский, следовательно, православный. Если ты не православный, то какой же ты русский?» Как следствие, главная ценность – это сильное государство. Для этой среды характерно уважение к Сталину, Ивану Грозному и т. п. – тем, кто были сильны в государственном строительстве. Здесь же уверенность в особой духовности и особой миссии русского народа, тоска по прежним временам (зачастую, с мифологизацией истории), вера в мировой жидо-масонский заговор против России. Как следствие – ненависть к иным конфессиям, рассматриваемым либо как служение антихристу, либо как подрывная деятельность против государства и его идеологии.

Маргинальные течения. Иногда борьба за сохранение традиции незаметно для самого борющегося приводит к созданию новых форм церковной жизни под лозунгами верности и сохранения. (Исторический пример: старообрядцы, которые выступили против реформ, фактически, сами изменились гораздо больше, чем те, против кого они протестовали.) Так и в современной Православной церкви в самых консервативных кругах часто рождаются совершенно «новаторские» идеи. Как правило, такие движения маргинальны, находятся на периферии церковной жизни (но часто весьма активны и шумны). Типичное течение этого рода – движение всенародного покаяния за убийство царя Николая II (причисленного к лику святых), в крайнем варианте: царь – помазанник, то есть «христос», поэтому Николай II своей смертью искупил Россию и стал соискупителем Христу. Распутин был его предтечей и т. п. Часто маргинальные движения оказываются связанными со всевозможными «старцами» и находятся в оппозиции к священноначалию.

Охранительное богословие. Консерватизм возможен не только «бытовой», часто присущий националистам, но и собственно богословский. Как правило, это увлечение тем, что было в официальном Православии России в XIX в. Фактически же, это Православие, пересказанное на католический лад. Впрочем, четкой грани между богословием и культурой здесь нет, так что охраняется не только догматика, но и стиль богослужения, язык, календарь и т. п. Здесь тоже распространена мифологизация истории, то есть придумывание нереальных вещей, которые очень удобны для пропаганды (например, что когда-то Андрей Первозванный приходил на киевские холмы и основал церковь), и подчеркнутая идеализация дореволюционного состояния.

«Русское» богословие. Это попытка очиститься от «западного пленения», возродить то, что пришло на Русь в X веке, а до этого развивалось в Византии. Здесь больше внимания к собственно богословию, чем в охранительном православии. Тем не менее, это восточное учение. Принципиальное различие между востоком и западом (а также «охранительным» и «русским» богословием) – это отношение к греху и спасению. Для запада грех – вина, нуждающаяся в искуплении. Для востока грех – болезнь, нуждающаяся в исцелении. Конечно же, то и другое справедливо, проблемы начинаются тогда, когда одна из этих точек зрения доводится до крайности так, что вторая половина теряется. Если грех – это только болезнь, то Христос не искупал своей смертью наши грехи. Он воплотился и умер для того, чтобы возродить человеческую природу (которая потом передается нам). Таким образом, византийское/русское богословие резко противопоставляется западным идеям искупительной жертвы, умиловления, примирения и т. п.

Богословское развитие. Это богословская противоположность любой традиционности или охранительства. В основе лежит идея, что богословие должно изменяться и развиваться, порождать новые идеи. Как правило, сторонники готовы к диалогу и сотрудничеству с неправославными богословами. Наиболее известное направление – софиология (начинатель – Вл. Соловьев, кульминация – Сергей Булгаков, ректор Свято-Сергиевого православного богословского института в Париже): фактически, учение о том, что Бог является не Троицей, а четверицей. Четвертое начало божества – женское (божественная София). Течение крайне малочисленное, но любопытно тем, что лишней раз демонстрирует терпимость к разным богословским взглядам в Православии.

Обновленчество (или неообновленчество). Это «бытовая» противоположность охранительству. Неообновленцы отстаивают переход на русский язык в богослужении, активную миссионерскую деятельность, борьбу с суевериями, общинную жизнь и т. п.; есть идеи женатого епископата. Довольно близкое к протестантам течение, иногда есть возможность диалога. Но существует проблема: те, кто увлекаются изменениями, не всегда понимают, где нужно остановиться. Здесь наибольший богословский либерализм. Пример – Александр Мень: увлекшись реформированием Церкви, он зашел так далеко, что стал реформировать и традиционные христианские представления. Обновленцы немногочисленны (отчасти это связано с тем, что исторически их репутация была подмочена активным сотрудничеством с советами после революции). Наиболее значимые представители сегодня – это движение кочетковцев.

Движение литургического возрождения. Идеологически тесно связано с русским обновленчеством. Это желание возродить ту литургическую простоту, которая была до IV века. Единственное место, где удалось это отчасти осуществить – Православная Церковь Америки (ОСА) (общинная жизнь, участие мирян в богослужении, сосредоточенность на евхаристии и т. п.). В Россию эти идеи приносятся в основном через книги Александра Шмемана.

Неопатристический синтез (или движение «вперед к Отцам»). В основном, эти идеи развивались благодаря русским иммигрантам в Париже. Речь идет о богословии Византии XIV века, времени жизни Григория Паламы, который считается «синтезатором» всей предшествующей православной традиции (поэтому иногда это называют «паламитским богословием»). Задача современного богослова – проводить такой же синтез для своего времени. Неопатристическое богословие значимо, потому что это православие, которое все более бурно развивается в православных семинариях и академиях. Это православие наиболее грамотных православных (Кураев и др.). Характерный признак – попытка описать христианскую веру с «энергетической» точки зрения. Бог имеет два модуса существования: в Своей сущности и в Своих нетварных энергиях. Божественные энергии могут присутствовать в человеке, в материальных предметах. Есть энергии не только божественные, но и сатанинские. Христианская жизнь – «накопление» определенных энергий. Чем больше энергий накоплено, тем дальше продвинулся в духовном пути христианин. Этот взгляд все больше популяризуется в православной церкви, он также оказывает возрастающее влияние на некоторых католических, лютеранских и других богословов.

* * *

Как столь разнообразные представления могут уживаться вместе? Во-первых, помогает православное представление о том, что может существовать только одна истинная Церковь (в том числе и в организационном плане), так что любое отделение – это прекращение бытия как Церкви. Во-вторых, на богословском уровне это связано с тем, что православное богословие трехуровневое: (1) догматы – то, что провозглашалось соборами и обязательно для любого православного; их немного, и они касаются, в основном, понимания Троицы, Христа и икон; (2) благочестивые верования – неутвержденные официально представления, принимаемые всеми православными (например, мытарства души) и подтверждаемые самим фактом своего принятия; (3) богословские мнения – сфера, где можно иметь собственные представления. В-третьих, на практике, единство православия – это единство литургической традиции (она, конечно, трансформируется некоторыми, но ее суть не меняется), то есть, в православии вера определяется поклонением.

О чем стоит беседовать с различными православными

Типичные для нас нападки на православных как идолопоклонников, алкоголиков и т. п., как правило, не приносят пользы ни им, ни нам. При разговоре стоит учитывать, где главные, а не поверхностные проблемы собеседника.

Подавляющее большинство православных (десятки миллионов) – это православные только по названию. Они, как правило, не любят протестантов (не зная, кто это). Здесь лучше всего говорить как с язычниками о базовых христианских представлениях – Бог, Христос, спасение.

Следующая по численности группа (сотни тысяч/миллион [?]) – православные фундаменталисты (маргиналы, националисты, охранители). Обычно они ненавидят протестантов.

Если есть возможность для беседы, видимо, стоит говорить о системе ценностей: именно Христос, а не сильная Россия или русская культура должны стоять в жизни христианина на первом месте.

Наконец, немногочисленные православные (тысячи/десятки тысяч [?]) серьезно озабочены собственно Христом и вечной жизнью. Здесь можно говорить о том, как лучше угодить Богу. Наша сила – в серьезном толковании Библии. Например, можно найти немало хороших православных книг с практическими советами, обсуждением тонкостей истории Церкви и исторического богословия. Очень мало хороших современных, а не древних православных книг, которые содержат просто здоровое толкование Писания.